

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 343.132

Дата поступления: 11.02.2025
рецензирования: 18.03.2025
принятия: 12.05.2025**Вопрос о процессуальных функциях следователя в научном наследии профессора С. А. Шейфера (к 100-летию со дня рождения Учителя)****А. А. Тарасов**Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

Аннотация: Профессор С. А. Шейфер как один из наиболее известных теоретиков предварительного следствия и уголовного процесса в целом в своих научных трудах последовательно настаивал на том, что единственной уголовно-процессуальной функцией следователя является функция расследования, то есть всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Он, как и многие другие авторы, воспринял негативно отношение следователя в УПК РФ 2001 г. к числу участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения, усиление роли руководителя следственного органа за счет заметного ослабления процессуальной роли прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. Научная позиция С. А. Шейфера по поводу процессуальной функции следователя, соотношения следственной и обвинительной властей в уголовном процессе, особенностей взаимодействия следователя с другими участниками расследования всегда отличалась фундаментальностью проработки и надежностью аргументации, что сохраняет ее актуальность, теоретическую и практическую значимость в течение длительного времени.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальные функции; доказывание по уголовным делам; всестороннее; полное и объективное исследование обстоятельств дела; следователь; досудебное производство; предварительное расследование; предварительное следствие; обвинение; прокурор; руководитель следственного органа; суд.

Цитирование. Тарасов А. А. Вопрос о процессуальных функциях следователя в научном наследии профессора С. А. Шейфера (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тарасов А. А., 2025

Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 11.02.2025
Revised: 18.03.2025
Accepted: 12.05.2025**Issue of the procedural functions of an investigator in the scientific heritage of professor S. A. Sheifer (on the 100th anniversary of the Teacher's birth)****A. A. Tarasov**Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

Abstract: Professor S. A. Sheifer, as one of the most famous theorists of preliminary investigation and criminal procedure in general, consistently insisted in his scientific works that the only criminal procedural function of the investigator is the function of investigation, that is, a comprehensive, complete and objective researcher of the circumstances of a criminal case. He, like many other authors, negatively perceived the classification of an investigator in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 as a participant in criminal proceedings on the side of the prosecution, strengthening of the role of the head of an investigative body due to a noticeable weakening of the procedural role of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases. The scientific position of S. A. Sheifer in relation to the procedural function of an investigator, the relationship between the investigative and prosecutorial authorities in criminal proceedings, the specifics of the investigator's interaction with other participants in the investigation has always been distinguished by the fundamental nature of its elaboration and the reliability of its argumentation, which maintains its relevance, theoretical and practical significance for a long time.

Key words: criminal process; criminal proceedings; criminal procedural functions; evidence in criminal cases; comprehensive; complete and objective investigation of circumstances of the case; investigator; pre-trial proceedings; preliminary investigation; prosecution; prosecutor; head of the investigative body; court.

Citation. Tarasov A. A. *Vopros o protsessual'nykh funktsiyakh sledovatelya v nauchnom nasledii professora S. A. Sheifera (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Issue of the procedural functions of an investigator in the scientific heritage of professor S. A. Sheifer (on the 100th anniversary of the Teacher's birth)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83> [in Russian].

Information on the conflict of interests: the author declared no conflicts of interests.

© Tarasov A. A., 2025

Alexander A. Tarasov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В названии статьи термин «функция» использован во множественном числе, притом что профессор С. А. Шейфер всегда считал следователя носителем единственной, специфичной только для него процессуальной функции расследования, т. е. всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Эта нарочитая неточность в названии статьи использована с целью демонстрации сложности объекта исследования: любые категоричные утверждения здесь требуют от автора специальных оговорок относительно того, что именно имеется в виду. С. А. Шейфер сознательно использует в отношении следователя небесспорные с точки зрения общей теории права и теории уголовного процесса понятия: 1) «следственная власть» – при известном и устоявшемся разделении ветвей государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; 2) «функция расследования» – при наличии столь же устоявшейся классификации уголовно-процессуальных функций, различающей обвинение (уголовное преследование), защиту и разрешение уголовного дела (отправление правосудия). После принятия действующего УПК РФ 2001 г. отдельного объяснения потребовал еще один тезис: следователь отнесен законодателем к числу участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения, что уже на законодательном уровне определило его процессуальную функцию как обвинительную.

Понимая это, С. А. Шейфер снабжает свои утверждения характерными оговорками: «власть современного следователя остается властью следственной (“судебно-следственной”), какой она была в прошлом, не совпадающей с властью обвинительной» [1, с. 131]. Таким образом, находится специфическое место «следственной власти» в трехчленной классификации ветвей государственной власти – власть следователя, по мнению С. А. Шейфера, тяготеет к власти судебной и является «судебно-следственной». Аналогично решается и вопрос о процессуальной функции следователя: «соответственно, и процессуальная функция следователя – это не уголовное преследование, а всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Следует признать, что эта функция (расследования) выходит за пределы три-

ады, характеризующей состязательное построение отечественного уголовного процесса (ст. 15 УПК), но не противоречит ему, поскольку сама включает в себя элементы состязательности, требующие дальнейшего укрепления» [1, с. 132]. И далее – «возникает ожидающая своего решения научная проблема – приведение в соответствие всех четырех функций» [1, с. 133]. Применительно к следователю традиционной триады уже недостаточно – необходимо выделение четвертой процессуальной функции расследования – объективного исследования обстоятельств дела. Четырехчленная классификация уголовно-процессуальных функций поддержана и другими авторами в новейших научных исследованиях [2, с. 324–325].

Концепция выглядит достаточно стройной и принципиально приспособляемой к традиционным представлениям об уголовно-процессуальных функциях и о властных полномочиях в системе уголовного судопроизводства. Рассмотрим далее отдельные детали этой концепции в контексте двух обязательных элементов досудебного производства по уголовным делам. Во-первых, подозрение и обвинение как неперенные спутники властной правоприменительной деятельности формируются и обосновываются именно следователем. Во-вторых, объективное исследование обстоятельств уголовного дела осуществляется следователем во взаимодействии с прокурором, выполнение которым функции обвинения от имени государства мало кем из специалистов когда-либо ставилось под сомнение. Об отдельных исключениях из этого правила советских времен будет сказано ниже.

Идея нейтрального по отношению к сторонам статуса следователя и осуществления им особой, исследовательской функции, в какой-то мере унаследованной современным носителем следственной власти от дореволюционного российского судебного следователя, отстаивалась С. А. Шейфером всегда [1, с. 25]. При этом и в отношении Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. он верно отмечал, что «помимо чисто исследовательской деятельности, фактически совпадающей с деятельностью суда, то есть с осуществлением судебной власти, нетрудно, как отмечалось ранее, обнаружить в деятельности судебного следователя и элементы обвинитель-

ного характера, напоминая обвинительную деятельность следователя в современном виде» [1, с. 51]. С. А. Шейфер обращал внимание и на то, что ведущими российскими учеными конца XIX – начала XX века В. К. Случевским, И. Я. Фойницким, М. В. Духовским отмечались и активное вмешательство прокурора как носителя власти обвинительной в деятельность следователя, и приобретение следственной деятельностью розыскных (или инквизиционных) черт. Это не хорошо и не плохо. Это факт объективной действительности, позволивший И. Я. Фойницкому во втором томе самого известного его научного сочинения выделять особый параграф 169, название которого сегодня способно вызвать как минимум недоумение, – «Суд как возбудитель обвинения» [3, с. 22–24]. Между тем речь идет о вполне рядовых случаях обнаружения преступления или «его ближайших последствий» самим судебным следователем, который, как известно, был действительным членом окружного суда, а также при «объявлениях частных лиц», обращенных к судебному следователю, и «при сообщениях полиции и других административных властей» или в случаях явки с повинной [3, с. 24]. Нечто подобное делает и современный следователь, который еще и обязан провести проверку сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Как бы ни называлось «начатие следствия» (как по Уставу 1864 г.) или «возбуждение уголовного дела» (как в современном законе) и какими бы проверочными действиями оно ни сопровождалось, это все равно будет «возбуждение обвинения», то есть инициирование самим следователем начала уголовного преследования. И это обстоятельство не лишает следователя (дореволюционного судебного или современного – не важно) объективности в исследовании юридически значимых обстоятельств дела. И. Я. Фойницкий в названном параграфе рассматривает также и полномочие мирового судьи на возбуждение обвинения в соответствии с п. 3 ст. 42 Устава уголовного судопроизводства. И здесь тоже, как видим, никакого конфликта между фактом принадлежности к органам судебной власти и инициированием обвинения автором не усматривается.

С. А. Шейфер в ряде своих работ тоже не усматривал противоречия между осуществлением уголовного преследования и объективным исследованием обстоятельств дела, но принципиально возражал против законодательного отнесения современного следователя к участникам процесса со стороны обвинения. В работе 2010 г. он пишет: «...в законе пора определить действительную функцию следователя и дознавателя, а также руководителя следственного органа, причисленных к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Заметим, что, если функция прокурора в законе определена, о функции этих лиц можно лишь гадать. Трудно утверждать, что их деятельность, особенно при нынешней регламентации предварительного расследования, не носит обвинительного характера:

именно следователь формулирует и предъявляет обвинение, он и дознаватель составляют завершающие акты уголовного преследования – обвинительное заключение и обвинительный акт. Фактически они осуществляют уголовное преследование (п. 55 ст. 5 УПК РФ) и принимают решение о доказанности вины обвиняемых, наличии оснований для передачи дела в суд. Во многом такова же и деятельность РСО. Однако нельзя считать их деятельность свободной от объективного и непредвзятого определения ее направления и оценки полученных результатов.

Каков же выход? Полагаем, что в рамках действующей процессуальной формы следует отказаться от одностороннего определения деятельности следователя и дознавателя как только обвинительной, добавив к положениям закона, определяющим статус этих лиц (ст. 38 и 41 УПК РФ), отсутствующее там указание на их функцию и уточнив содержание последней: они осуществляют уголовное преследование, сочетая его с всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела» [4, с. 226–227].

В более поздней монографии тоже по проблемам уголовно-процессуального доказывания С. А. Шейфер высказывается на этот счет более радикально. «На наш взгляд, функции уголовного преследования (обвинения) и расследования (т. е. объективного исследования обстоятельств дела) несовместимы и по существу антагонистичны. В психологическом плане следователь, руководствуясь этими двумя началами, не может не испытывать состояние внутренней раздвоенности, порожденной противоречивыми требованиями закона... установленная законом процессуальная функция следователя в отечественном уголовном процессе – уголовного преследования – требует кардинального преобразования в направлении присущей ему функции – объективного исследования обстоятельств дела. Лишь при доказанности вины лица за этим правомерно последует уголовное преследование против него» [5, с. 23–24]. Эта мысль здесь дополнительно аргументируется ссылками на уголовно-процессуальное законодательство других государств постсоветского пространства. Так, в ч. 3 ст. 60 УПК Республики Казахстан сказано, что следователь принимает меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и начинает уголовное преследование, «когда добыты достаточные доказательства вины» [5, с. 22]. То есть, как видим, по мнению С. А. Шейфера, до какого-то момента уголовно-процессуальная деятельность следователя не является уголовным преследованием, а после него является. Однако что считать моментом «доказанности вины»? Судя по авторскому контексту, это момент привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого. Однако разве после этого момента следователь перестает быть объективным исследователем обстоятельств дела? Антагонизм между уголовным преследованием и объективным исследованием обстоя-

тельств дела с этого момента исчез? Скорее всего, нет. И следователь с этого момента вполне совмещает обе функции: и обвинения, и объективного расследования.

Вместе с тем С. А. Шейфер справедливо настаивает на активной роли прокурора как бесспорного обвинителя в предварительном следствии, что объективно снимает со следователя как исследователя обстоятельств дела как минимум какую-то часть «обвинительной нагрузки». С. А. Шейфер поддерживал идею, закрепленную на постсоветском пространстве только в законодательстве Молдовы, – составление обвинительного заключения прокурором. «Именно прокурор как носитель обвинительной власти должен обобщить результаты исследовательской деятельности следователя и, если они убедительно говорят о виновности обвиняемого, составить итоговый акт расследования и обосновать в нем свою позицию как будущего государственного обвинителя» [5, с. 24–25]. Идея более активного вовлечения именно прокурора как будущего государственного обвинителя в формулирование обвинения, причем даже на более ранних, чем составление обвинительного заключения, этапах, объяснимо находит все больше сторонников. Профессор А. Н. Халиков – один из наиболее известных специалистов по проблемам досудебного производства, имеющий многолетний опыт следственной, прокурорской и адвокатской практической работы, высказывает и аргументирует созвучную и идущую еще дальше мысль о целесообразности предъявления обвинения именно прокурором по каждому уголовному делу на основании проекта, составленного следователем [6, с. 320]. Столь непривычное для современной практики предложение вполне соответствует отстаиваемой С. А. Шейфером много лет идее необходимости полного распоряжения прокурором предъявляемым, обосновываемым, направляемым в суд и поддерживаемым в судебном разбирательстве обвинением. Следователь при таком подходе остается объективным исследователем обстоятельств дела, а прокурор реализует собственную, прокурорскую, то есть обвинительную, власть.

Здесь не преследуется цель выявлять какие-то противоречия в авторских позициях и в системах их аргументации, а уж тем более не ставится под сомнение фундаментальность проработки и глубокая личная прочувствованность С. А. Шейфером вывода о необходимости считать следователя нейтральным по отношению к сторонам в процессе субъектом, ответственным за всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Профессор С. А. Шейфер был и остается одним из самых крупных отечественных теоретиков уголовного процесса, доказывания в нем и предварительного расследования. Здесь мы лишь подчеркиваем сложность и многогранность объекта исследования, в отношении которого любая категоричность суждений влечет возникновение новых вопросов, на которые, как правило, очень непросто ответить и законодателю, и теоре-

тикам. Так было в советские и первые постсоветские годы, так это есть и в современных условиях, когда уже накоплен значительный законодательный, практический и исследовательский опыт. Обратимся к истории вопроса.

М. А. Чельцов в своем знаменитом учебнике 1951 г. издания, говоря о функции обвинения, прямо закрепляет ее только за прокурором, но при этом указывает, что она «состоит в собирании доказательств совершения преступления определенным лицом, в изобличении обвиняемого в ходе расследования и в судебном разбирательстве, в обосновании уголовной ответственности обвиняемого. Она начинается с постановления о привлечении в качестве обвиняемого и завершается произнесением обвинительной речи в суде» [7, с. 30]. До этого сказано, что функцию обвинения осуществляет обвинитель, которым может быть представитель государства или общественности (государственный или общественный обвинитель) – и то и другое явно не следователь. Здесь М. А. Чельцов пишет о «советском прокуроре». Об осуществлении следователем функции обвинения либо какой-то другой ни здесь, ни где-либо еще в этом учебнике прямо не сказано, хотя очевидно, что и постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносит именно следователь, и доказательства по уголовному делу собирает тоже он, хотя и сам прокурор по советскому уголовно-процессуальному закону тоже имел право собирать доказательства. Термин «стороны» М. А. Чельцов употребляет только применительно к судебному заседанию [7, с. 31], в котором следователь, как известно, не участвует. Освещение вопроса о субъектах процессуальной деятельности в целом автор завершает лаконичной фразой: «В стадии предварительного следствия субъектами процессуальной деятельности являются прокурор, следователь, обвиняемый и потерпевший» [7, с. 32]. Вопрос об уголовно-процессуальной функции следователя остается открытым.

В более позднем своем учебнике 1962 г. М. А. Чельцов уже на основании УПК РСФСР 1960 г. утверждает, что «единственная функция следователя в советском уголовном процессе – функция расследования», содержание которой определено здесь же со ссылкой на ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., согласно которой следователь обязан «принимать все меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства» [8, с. 95]. Именно эта идея, напомним, практически в тех же выражениях, только совсем в других законодательных условиях, отстаивается и С. А. Шейфером. Однако здесь обратим внимание на другое. М. А. Чельцов свое утверждение о процессуальной функции следователя снабжает характерным подстрочным примечанием: «Расходится с законом утверждение проф. М. С. Строговича о

том, что следователь в советском уголовном процессе осуществляет три процессуальные функции: уголовное преследование, защиту и решение дела (Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 126 и сл.)» [8, с. 95]. Вопрос о процессуальных функциях следователя уже тогда, в период формирования последнего советского уголовно-процессуального законодательства, был остро дискуссионным. Дискуссионным настолько, что получил отражение в обоих вузовских учебниках уголовного процесса, каждый из которых можно считать классическим. Спор между двумя классиками теории советского уголовного процесса представляет профессиональный интерес и сегодня.

В последнем советском УПК РСФСР 1960 г., так же, как и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., понятия «стороны», как известно, не было вовсе, да и распределения участников процесса по сторонам тоже, понятно, не было. При этом в советской учебной и научной литературе вопрос о процессуальных функциях следователя решался очень по-разному, что в контексте нашего исследования заслуживает отдельного внимания.

В непосредственной временной близости к началу действия нового УПК РСФСР Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин в монографии 1965 года, которую несколько поколений советских юристов на полном основании считали «настойной книгой», пишут: «...в советском уголовном процессе предварительное следствие считается несудебной процессуальной деятельностью. Для нас неприемлемы те конструкции предварительного следствия, при которых оно ведется так называемыми следственными судьями или судебными следователями. Эти по существу лжедемократические концепции, которые в прошлом были известны дореволюционному русскому уголовному судопроизводству, а в настоящее время применяются во Франции и ряде других буржуазных стран, зиждутся на противопоставлении следствия дознанию, ведут к смешению функций следственных и судебных учреждений и не обеспечивают законности и качества расследования уголовных дел... развитие советского уголовно-процессуального законодательства пошло по пути создания специальных следственных органов, обособленных от судебных установлений. Не имели достаточного основания попытки А. Я. Вышинского и некоторых других юристов расценивать деятельность этих органов как судебную. <...> В ходе предварительного следствия никаких судебных функций не выполняется. Положения не меняет то обстоятельство, что предварительное следствие может оканчиваться прекращением уголовного дела. При вынесении такого постановления дело не разрешается по существу... органы следствия просто признают несостоятельной постановку вопроса об уголовной ответственности соответствующего лица, сами аннулируют предъявленное ими же обвинение» [9, с. 33–34].

Опустив традиционную для советской юридической полемики идеологическую составляющую, выделим три авторских утверждения, имеющих значение в контексте нашего изложения: 1) следственная деятельность принципиально отличается от судебной; 2) следователь, прекращая уголовное дело, в отличие от суда, вовсе не разрешает это дело, а аннулирует собственное обвинение; 3) судебный следователь, равно как и следственный судья – неприемлемые для отечественного уголовного процесса процессуальные участники, которые не способны обеспечить качество и законность расследования. Нетрудно заметить, что именно вокруг этих вопросов ведутся основные дискуссии по поводу процессуальной функции следователя и его роли в отечественном процессе до настоящего времени. Заметим также, что и функцию обвинения Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин на следователя не возлагают.

Существенно позднее А. М. Ларин в книге, специально посвященной процессуальным функциям на предварительном расследовании, возрождает раскритикованную в 1960-е годы М. А. Чельцовым концепцию М. С. Строговича о совмещении в деятельности следователя функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела [10, с. 109]. Кроме того, А. М. Ларин придерживается максимально широкого взгляда на сами уголовно-процессуальные функции и включает в число процессуальных функций следователя также «обеспечение прав участвующим в деле лицам и охрану их интересов» и процессуальное руководство расследованием [10, с. 109]. Сегодня представляется очевидным, что следователь как должностное лицо государства, в производстве которого находится уголовное дело, обязан обеспечивать охрану прав и законных интересов всех участвующих в этом деле лиц, но тогда, в середине 1980-х гг., об этом говорилось как об особой функции следователя. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на специфическую деталь концептуального подхода и М. С. Строговича, и А. М. Ларина: в одном лице совмещаются две очевидно противоположные процессуальные функции – обвинение (уголовное преследование) и защита. С. А. Шейфер видел признаки антагонизма между куда менее несовместимыми между собой направлениями юридической деятельности – уголовным преследованием и объективным исследованием обстоятельств дела. Допустимость возложения на одного представителя государства одновременно двух противоположных процессуальных функций – обвинения и защиты – выглядела куда более необычно.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – это тот период российской истории, названный когда-то «перестройкой», для которого был характерен интенсивный поиск путей демократизации, «очеловечивания» всех сфер общественной жизни, и сфера уголовного судопроизводства не была исключением. Приведем характерные для того времени суждения В. М. Савицкого, касающиеся

ся интересующего нас вопроса об уголовно-процессуальных функциях и сторонах в уголовном процессе: «...сторона остается пустым звуком, банальным терминологическим вывертом, если рядом с ней, вплотную к ней, охватывая ее, не будет использована для законодательства, теории и практики уголовного судопроизводства такая емкая, динамически напряженная правовая категория, как *состязательность... сторона обвинения* обращается к суду с просьбой признать подсудимого виновным, а противоположная *сторона защиты* выдвигает перед судом просьбу (опять-таки по классической схеме) оправдать подсудимого. И в том, и в другом случае наличие сторон обусловлено принципиальной противоположностью их позиций, хотя в отдельных ситуациях эта противоположность практически может сглаживаться <...> и даже исчезать вовсе (когда, например, подсудимый полностью признает себя виновным в предъявленном прокурором обвинении)» [11, с. 240–241]. «“Сторона” – это спорящий, конфликтующий участник процесса, доказывающий перед судом справедливость своих утверждений и опровергающий доводы другого участника процесса, другой стороны... поведение одной стороны продиктовано поведением другой. Взаимообусловлено не только поведение, но и само существование сторон. Одна сторона – не сторона» [11, с. 242–243].

Таким образом, разговор о сторонах в уголовном процессе, не прекращающийся в науке до сих пор [12], закономерно переводится в русло его состязательности. В. М. Савицкий убежден, что состязательность – это принцип советского уголовного процесса, несмотря на отсутствие в советском уголовно-процессуальном законе термина «состязательность», как и самого термина «принципы» [11, с. 247–251], и, отдавая дань времени, утверждает, что «революционная перестройка» диктует «необходимость нормативного закрепления принципа состязательности» [11, с. 266].

В равной мере В. М. Савицкий справедливо критикует и отрицание частью советских ученых принципа состязательности за его якобы «буржуазный характер», и утверждение профессора В. И. Баскова – наиболее известного советского специалиста по прокурорскому надзору – о том, что прокурор как представитель органа надзора не может быть стороной наряду с подсудимым и защитником [11, с. 252]. Сейчас подобный взгляд на роль прокурора в уголовном процессе трудно даже представить: именно прокурор, утверждая обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление, инициирует судебное разбирательство по конкретному обвинению, которое поддерживается тоже сотрудником прокуратуры, выступающим в статусе государственного обвинителя. Факт отнесения его к стороне обвинения сегодня не оспаривается уже никем. Однако в контексте вопроса о процессуальных функциях следователя и о возможности считать его участником процесса на стороне обвинения обратим внимание на следующие соображения В. М. Савицкого:

«Сторона прокурор или не сторона – это вопрос первостепенный, ответ на него предопределяет наличие или отсутствие другой стороны, а тем самым и общую характеристику уголовной процедуры... В советском уголовном процессе обвинение и защита – коррелятивные, соотносительные понятия, одно не существует без другого, и в этом смысле они органически взаимообусловлены» [11, с. 247–251]. Иными словами, защита невозможна без обвинения, а участников процесса со стороны защиты не может быть без участников процесса со стороны обвинения. Сказанное В. М. Савицким прямо относится только к судебному разбирательству, применительно к которому он и анализирует принцип состязательности советского уголовного процесса. Но эта мысль имеет прямое отношение к основному предмету и нашего изложения: участие в досудебном производстве по уголовному делу стороны защиты в лице обвиняемого, подозреваемого и их защитников прямо обусловлено участием в нем же и стороны обвинения в лице государственных органов, которые выдвигают и обосновывают подозрение и обвинение от имени государства. И А. М. Ларин мотивировал возложение на следователя функции обвинения в 1986 г., когда в советском уголовно-процессуальном законе не было деления государственных органов на стороны и не был закреплён принцип состязательности, именно этим – необходимостью обеспечить право на защиту и возможность защищаться лицу, подвергающемуся уголовному преследованию [10, с. 29–37]. Правда, он же, как отмечалось, возлагал на следователя осуществление двух противоположных процессуальных функций – обвинения и защиты. Полагаем, что законодательным основанием для такого решения проблемы обеспечения права на защиту было то, что защитник по большинству уголовных дел допускался к участию в них только с момента окончания предварительного следствия и предъявления материалов законченного следственного производства обвиняемому для ознакомления. Лишь в исключительных случаях – по делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых или лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могли самостоятельно осуществлять свою защиту, – защитник допускался с момента предъявления обвинения, то есть тоже не с самого начала расследования. А. М. Ларин, будучи следователем прокуратуры с многолетним опытом, защитившим во время практической работы и кандидатскую, и докторскую диссертации и горячо отстаивавший в науке идеи гуманизации уголовного процесса, его состязательности и презумпции невиновности, был убежден, что именно на следователе лежит обязанность обеспечить обвиняемому возможность защищаться от необоснованного обвинения. Это и позволяет провести объективное расследование и привлечь к уголовной ответственности действительно виновного, то есть того, чья виновность несомненно доказана. Такая позиция заслуживает безусловного уважения.

Однако нельзя не заметить и некоторой противоположности в возложении на одного субъекта двух прямо противоположных функций. Скорее исключением, чем правилом, выглядит следователь, способный ежедневно преодолевать собственную субъективную уверенность в чьей-то виновности, да еще и готовый в любой момент пересматривать собственные ответственные решения (о возбуждении уголовного дела, о задержании подозреваемого, об избрании ему меры пресечения, о привлечении в качестве обвиняемого и т. д.) для того, чтобы осуществлять функцию защиты столь же искренне, как он ведет расследование. В массе своей практика явно не такова. Думается, что именно поэтому внешне привлекательная идея возложения на следователя функции защиты встретила в советские и первые постсоветские годы немало противников, особенно среди ученых – представителей адвокатского сообщества [13, с. 38], тоже имевших представление о реальной правоприменительной практике.

С. А. Шейфер, отстаивая идею единственной функции следователя – функции расследования, в равной мере не принимал позицию А. М. Ларина в части возложения на следователя функций как обвинения, так и защиты. Однако при этом С. А. Шейфер, тоже имевший опыт практической следственной работы, с обязанностью следователя объективно вести расследование связывал и его обязанность обеспечить право на защиту при производстве любых процессуальных действий и принятии любых процессуальных решений, в том числе и тех, которые прямо обусловлены уголовным преследованием конкретного лица. В учебном пособии 1986 г. С. А. Шейфер пишет: «В целях обеспечения права обвиняемого на защиту следователь обязан: а) своевременно вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, четко сформулировать и своевременно предъявить обвинение» [14, с. 29]. Институт привлечения в качестве обвиняемого в целом С. А. Шейфер рассматривал как способ обеспечения права обвиняемого на защиту, но не как выполнение следователем функции защиты. И с этим нельзя не согласиться, особенно сейчас, когда в ч. 1 ст. 11 УПК РФ прямо закреплена обязанность следователя не только разъяснить права подозреваемым и обвиняемым, но и обеспечивать их реализацию. При этом в действующем УПК РФ следователь назван среди участников процесса со стороны обвинения, то есть функцию защиты он по определению не выполняет.

Однако вернемся к размышлениям С. А. Шейфера о совместимости, а точнее, о несовместимости выполняемой следователем функции расследования с функцией уголовного преследования (обвинения), прямо предписанной ему сегодня законодателем. Приведем точные цитаты из его сочинений разных лет, чтобы показать, что позиция эта менялась в зависимости от контекста изложения.

С. А. Шейфер в монографии 2013 г. называет «методологически ошибочным и логически

несостоятельным» отождествление уголовного преследования и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ссылка по тексту: Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник / под ред. В. А. Лазаревой и А. А. Тарасова. М.: Юстиция, 2012. С. 152) [1, с. 121]. Позиция, как видим, бескомпромиссная. При этом в более ранней статье, написанной в соавторстве с одним из редакторов названного учебника, С. А. Шейфер не отрицает возможности совмещения обоих направлений в деятельности следователя: «Полагаем, что в рамках действующей процессуальной формы логичнее было бы отказаться от одностороннего определения деятельности следователя и дознавателя как только обвинительной, добавив к положениям закона, определяющим статус этих лиц (ст. 38 и 46 УПК), указание на их функцию и уточнив содержание последней: они осуществляют уголовное преследование от имени государства (по аналогии со ст. 37 УПК – о прокуроре) на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» [15, с. 417.] В том-то и дело, что между осуществлением уголовного преследования от имени государства и всесторонним, полным и объективным исследованием юридически значимых обстоятельств уголовного дела нет и никогда не было рокового противоречия. Следователь обязан предъявить обвинение только тому лицу, в отношении которого он собрал доказательства, достаточные **для его обвинения**, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 171 действующего УПК РФ. Здесь, правда, нельзя не сделать оговорку об очевидно более точной формулировке аналогичной нормы в УПК РСФСР 1960 г. (ч. 1 ст. 143) о наличии достаточных доказательств **«для предъявления обвинения»** конкретному лицу, чем подчеркивается предварительность и принципиально возможная опровержимость вывода следователя о виновности этого лица в совершении преступления на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако даже независимо от редакционного качества этой формулировки представляется очевидным, что как минимум с этого момента следователь точно осуществляет уголовное преследование конкретного человека, не переставая при этом всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела. Полагаем, что единственный вывод из сказанного таков: необходимо признать, что уголовное преследование от имени государства вполне совместимо с объективным исследованием обстоятельств уголовного дела. Более того, законное уголовное преследование возможно только на основе такого объективного доказывания юридически значимых обстоятельств.

О. С. Морозова в кандидатской диссертации 2024 г. так же, как С. А. Шейфер и многие другие авторы до нее, настаивает на неправомерности отнесения следователя к участникам процесса со стороны обвинения, подчеркивая исследователь-

ский характер процессуальной деятельности следователя. Но при этом О. С. Морозова абсолютно правомерно утверждает, что уголовное преследование фактически осуществляется с гораздо более раннего момента – не то что еще до предъявления обвинения конкретному лицу, но и еще до возбуждения уголовного дела, что требует предоставления права на защиту и возможности защищаться тому, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [16, с. 14–15, 35, 129, 132–133 и др.]. Все правильно. Только кто же осуществляет это фактическое уголовное преследование, если не следователь, проводящий проверку в порядке ст. 144 УПК РФ? И здесь выявляется та же проблема: уголовное преследование есть, а осуществлять его как бы некому. Думается, что так просто не бывает. Фактическое уголовное преследование с самого начала, то есть с момента получения сообщения о преступлении и проведения первого проверочного процессуального действия, осуществляет следователь, который обязан быть объективным исследователем фактических обстоятельств и на этапе проверки сообщения о преступлении, и в процессе расследования по возбужденному уголовному делу.

Довольно схожие соображения В. М. Савицкий когда-то высказывал и о прокуроре – несомненном участнике уголовного процесса со стороны обвинения: «Однако будучи стороной-обвинителем, прокурор не должен быть односторонним. Иными словами, свою одностороннюю, обвинительную функцию в суде он обязан выполнять всесторонне – так следует ставить и решать вопрос» [11, с. 259]. В. М. Савицкий решительно критиковал позицию М. А. Чельцова, не признававшего, что суд как арбитр разрешает спор между сторонами, т. к. этим якобы «выхолащивается подлинная политическая сущность уголовного процесса как формы классовой борьбы» (Ссылка: Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6. С. 88–89) [11, с. 259]. И далее: «Искажает политическую сущность советского уголовного процесса, по моему глубокому убеждению, как раз отрицание состязательного его характера, недопущение возможности спора между обвинителем и обвиняемым» [11, с. 261].

Здесь вновь подчеркнем, что корректировка позиций ученых с течением времени и по мере накопления законодательного и правоприменительного опыта – явление закономерное, которое объясняется главным образом сложностью исследуемого объекта и противоречивостью процессов реформирования отечественной системы уголовной юстиции.

Профессор И. Л. Петрухин, всю жизнь отстаивавший идеи презумпции невиновности, независимой судебной власти, состязательности правосудия и равенства сторон обвинения и защиты перед нейтральным по отношению к сторонам судом, писал в 1981 г.: «Одно из проявлений ведущей роли суда в системе уголовного процесса

– институт возвращения дел на дополнительное расследование. Вопросы законности и полноты расследования, обсуждаемые судом (ст. 222 УПК РСФСР), во многом аналогичны вопросам, которые решает прокурор по делу, поступившему с обвинительным заключением (с. 213 УПК РСФСР). Соответственно, аналогичны и основания, по которым прокурор и суд возвращают дела для дополнительного расследования со своими указаниями (п. 2 ст. 214; ст. 232 УПК РСФСР).

Таким образом, возвращение дела на дополнительное расследование – это специфическая форма процессуального руководства, осуществляемого судом, когда нужно восполнить упущения прокурора» [17, с. 105]. Читать это сегодня несколько непривычно: суд, сочтя обвинение недоказанным, в силу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) обязан истолковать все сомнения, которые не удалось устранить в ходе судебного разбирательства, в пользу обвиняемого и постановить оправдательный приговор, а вовсе не «восполнять упущения прокурора». Почти через два десятилетия в монографии 1999 г. И. Л. Петрухин выявляет и аргументированно критикует все случаи возложения на суд обвинительной функции по советскому уголовно-процессуальному закону, каковых было немало: допустимость рассмотрения дела публичного обвинения без участия государственного обвинителя, обязанность суда разрешить дело по существу после отказа прокурора от обвинения и т. д. [18, с. 160]. Профессора И. Л. Петрухина нельзя обвинить в непоследовательности. Просто взаимоотношения государства, общества и личности в переломный период российской истории – с середины 1980-х гг. до начала 2000-х – менялись радикально, а вслед за этим менялись и научные представления о них. Перемены эти до сих пор не закончились и едва когда-нибудь закончатся. Во всяком случае, обсуждение процессуальной деятельности суда после отказа государственного обвинителя от обвинения продолжают в науке до сих пор, хотя вопрос этот кажется однозначно решенным в законе (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) [19].

В силу многолетних изменений и дополнений закона сегодняшний институт возвращения уголовного дела прокурору, изначально задуманный как уголовно-процессуальный аналог возвращения искового заявления истцу в гражданском процессе, все больше напоминает советское возвращение дела судом на дополнительное расследование [20, с. 136–138]. И это тоже современная российская реальность, которую уже нельзя игнорировать, как бы к ней ни относился конкретный исследователь. Институт возвращения судом дела прокурору уместно вспомнить в контексте глобальной реформы предварительного следствия, произошедшей в июне 2007 г.

С. А. Шейфер был среди тех специалистов, которые с самого начала отнеслись негативно к перераспределению властных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. В результате реформы следователь оказал-

ся в структуре органов исполнительной власти [1, с. 90–91] и, как верно выразился Л. В. Головкин, «полицизировавшись», т. е. полностью оторвавшись от идей правосудия [21, с. 266]. Прокурор же как будущий государственный обвинитель утратил не только полномочия по процессуальному руководству расследованием и личному участию в собирании доказательств, но и возможность самостоятельно распоряжаться обвинением, что выглядело совсем уж нелогично [1, с. 96–98]. Аналогичные соображения высказывала и В. А. Лазарева после реформы предварительного следствия 2007 г., подчеркивая, как и С. А. Шейфер, что прокурору должно быть возвращено его право собственным решением прекратить уголовное дело или изменить обвинение [22, с. 14–15].

Весьма своеобразная трансформация произошла в процедуре утверждения обвинительного заключения. По советскому УПК РСФСР 1960 г. оно должно было направляться следователем (независимо от его ведомственной подчиненности) немедленно после его подписания самим следователем прокурору (ст. 207 УПК РСФСР). Прокурор, утверждая обвинительное заключение, принимал решение о направлении этого дела в суд. Уже в те годы, когда по закону не требовалось согласовывать обвинительное заключение с начальником следственного отдела, следователи органов внутренних дел получали подпись своего непосредственного начальника на обвинительных заключениях, что означало согласование итогового документа предварительного следствия с ним.

Сегодня такое согласование стало обязательным для всех следственных подразделений. Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ в ч. 6 ст. 220 УПК РФ, которая в первоначальной редакции выглядела так: «После подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело немедленно направляется прокурору», – было внесено дополнение «с согласия руководителя следственного органа». Понятно, что новая редакция этого правила, помимо обязательности такого согласования, еще и девальвирует значение слова «немедленно», поскольку два должностных лица в реальности не могут действовать абсолютно синхронно. Однако то, что произошло с практикой применения этого института далее, способно удивить куда больше. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»¹ при перечислении оснований для этого сказано следующее: «...исключается возможность вынесения приговора или иного судебного

решения в случаях, когда: обвинительный документ не подписан следователем (дознавателем), обвинительное заключение не утверждено прокурором либо уголовное дело направлено с обвинительным заключением прокурору без согласия руководителя следственного органа». Казалось бы, какое дело суду как органу судебной власти, предметом рассмотрения которого является государственное обвинение, исходящее от прокурора и поддерживаемое им, до того, было ли согласовано это обвинение с руководителем следственного органа или кем бы то ни было еще? Однако, согласно этой позиции Верховного Суда, мнения прокурора суду недостаточно.

В описанном решении Пленума Верховного Суда России получили отражение одновременно две ранее отмеченные тенденции современного развития взаимоотношений властвующих субъектов в российском уголовном процессе – ослабление роли прокурора в формировании государственного обвинения за счет усиления позиций руководителя следственного органа и постепенная трансформация института возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) в известный советскому уголовному процессу институт возвращения дела судом для производства дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР). В. А. Лазарева не без оснований усматривала в постепенных изменениях ст. 237 УПК РФ «тревожный симптом, свидетельствующий не только о низком качестве предварительного расследования, но и о неготовности судебной власти к самостоятельным решениям» [20, с. 18]. Таким образом, фактически тот же самый процессуальный институт, который в советские годы оценивался И. Л. Петрухиным как проявление руководящей роли суда в советском уголовном процессе, в новых законодательных условиях стал выглядеть как проявление несамостоятельности судебной власти, ее неготовности принять на себя ответственность за разрешение уголовного дела по существу.

Подводя итог сказанному, сформулируем некоторые выводы относительно позиции С. А. Шейфера по вопросу о процессуальных функциях следователя:

1. С. А. Шейфер считал главной и единственной процессуальной функцией следователя производство расследования, то есть всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

2. Функция расследования определена С. А. Шейфером как четвертая уголовно-процессуальная функция наряду с обвинением (уголовным преследованием), защитой и разрешением дела (отправлением правосудия).

3. С. А. Шейфер считал, что следователь может осуществлять уголовное преследование и принимать процессуальные решения обвинительного характера только после того, как в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела получит доказательства виновности конкретного лица в совершении преступления.

¹ В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // СПС «КонсультантПлюс».

4. С. А. Шейфер, возражая в принципе против отнесения следователя к числу участников уголовного процесса со стороны обвинения, считал возможным и необходимым уточнение его процессуальной функции в законе следующим образом: следователь осуществляет функцию уголовного преследования посредством всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

5. С. А. Шейфер последовательно настаивал на том, что главную роль в осуществлении уго-

ловного преследования играет прокурор, который в досудебных стадиях процесса должен иметь возможность осуществления процессуального руководства расследованием, активного вмешательства в доказательственную деятельность следователя в целях обеспечения ее законности и свободного распоряжения обвинением, включая полномочие на самостоятельное возбуждение уголовного дела, изменение обвинения и прекращение уголовного дела (уголовного преследования).

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. Москва: Норма, 2019. 192 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496>.
2. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. 582 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54596510>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ixdwlg>.
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с. URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/index.htm>.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 112 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=399926>.
6. Халиков А. Н. Проблемы развития и эффективности досудебного производства в уголовном процессе России // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. XI. Уголовно-процессуальное право: монография / под ред. А. А. Тарасова, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2024. С. 308–350.
7. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Изд. второе, перераб. Москва: Госюриздат, 1951. 510 с.
8. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Изд. 4-е, исправ. и перераб. Москва: Госюриздат, 1962. 504 с.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Москва: Юрид. лит., 1965. 368 с.
10. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва: Юрид. лит., 1986. 160 с.
11. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). Москва: Наука, 1987. 288 с.
12. Соловьёв С. А. Понятие «сторона» в уголовном судопроизводстве России // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 126–132. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.16>.
13. Ведерников А. Н. Актуальные проблемы участия защитника в стадии предварительного расследования в период начала современной судебно-правовой реформы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 142 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000394143/000394143.pdf>.
14. Шейфер С. А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства: учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. 83 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44359515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wboovr>.
15. Шейфер С. А., Тарасов А. А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А. А. Напреенко. Самара, 2006. С. 408–425. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39809324&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbloqt>.
16. Морозова О. С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук (5.1.4. Уголовно-правовые науки). Омск, 2024. 255 с.
17. Петрухин И. Л. Суд и органы расследования // Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Савицкого. Москва: Наука, 1981. 360 с.
18. Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). Москва: Юрист, 1999. 392 с.
19. Гизатуллин И. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 42–59. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.3>.

20. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: Проспект, 2023. 320 с.
21. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Городец, 2022. 458 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/3133>.
22. Лазарева В. А. Реформируемое предварительное расследование // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В. А. Лазаревой; Федеральное агентство по образованию. Самара: Самарский университет, 2009. Вып. 4. С. 4–18. URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-processa/Reformiruemoe-predvaritelnoe-rassledovanie-64841/1/up2009_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30614572>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztykhj>.

References

1. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiya* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial authorities: monograph]. Moscow: Norma, 2013, 192 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496> [in Russian].
2. Davletov A. A., Azaryonok N. V. *Ugolovnyi protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya: monografiya* [Criminal process of Russia: historical roots, current state, prospects of evolutionary development: monograph]. Yekaterinburg: UrGYuU, 2023, 504 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54596510>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ixdwlg> [in Russian].
3. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. II* [Course of criminal justice. Vol. II]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, 607 p. Available at: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/index.htm> [in Russian].
4. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2010, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._Sheifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazyvanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._Sheifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazyvanie_po_ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. Sheifer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki: monografiya* [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022, 112 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=399926> [in Russian].
6. Khalikov A. N. *Problemy razvitiya i effektivnosti dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Problems of development and effectiveness of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia]. In: *Formirovanie i razvitie otraslei prava v istoricheskoi i sovremennoi pravovoi real'nosti Rossii: v 12 t. T. XI. Ugolovno-protsessual'noe pravo: monografiya. Pod red. A. A. Tarasova, R. L. Khachaturova* [Tarasov A. A., Khachaturov R. L. (eds.) Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. XI. Criminal procedure law: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2024, pp. 308–350 [in Russian].
7. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Izd. vtoroe, pererab.* [Soviet criminal trial. Second edition, revised]. Moscow: Gosyurizdat, 1951, 510 p. [in Russian].
8. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Izd. 4-e, isprav. i pererab.* [Soviet criminal process. 4th edition, revised and corrected]. Moscow: Gosyurizdat, 1962, 504 p. [in Russian].
9. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. *Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preliminary investigation in Soviet criminal proceedings]. Moscow: Yurid. lit., 1965, 368 p. [in Russian].
10. Larin A. M. *Rassledovanie po ugolovnomu delu: protsessual'nye funktsii* [Investigation of a criminal case: procedural functions]. Moscow: Yurid. lit., 1986, 160 p. [in Russian].
11. Savitsky V. M. *Yazyk protsessual'nogo zakona (voprosy terminologii)* [Language of a procedural law (terminology issues)]. Moscow: Nauka, 1987, 288 p. [in Russian].
12. Soloviev S. A. *Ponyatie «storona» v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The notion of «party» in Russian criminal proceedings]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2024, no. 1, pp. 126–132. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.16> [in Russian].
13. Vedernikov A. N. *Aktual'nye problemy uchastiya zashchitnika v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya v period nachala sovremennoi sudebno-pravovoi reformy* [Actual problems of the defender's participation in the preliminary investigation stage during the beginning of modern judicial and legal reform]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 142 p. Available at: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000394143/000394143.pdf> [in Russian].
14. Sheifer S. A. *Predvaritel'noe sledstvie. Obshchie usloviya i osnovnye etapy proizvodstva: uchebnoe posobie po spetskursu* [Preliminary investigation. General conditions and main stages of production: study guide for the special course]. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, 1986, 83 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44359515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wboovr> [in Russian].
15. Sheifer S. A., Tarasov A. A. *Smeshannyy ili sostyazatel'nyi: kakim zakonodatel' khochet videt' rossiiskii ugolovnyi protsess* [Mixed or adversarial: how the legislator wants to see the Russian criminal process]. In: *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, teorii i praktiki funktsionirovaniya: sb. nauch. st. Vyp. 2. Pod red. A. A. Napreenko* [Napreenko A. A. (ed.) State and law: issues of methodology, theory and practice of functioning: collection of scientific articles. Issue 2]. Samara, 2006, pp. 408–425. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39809324&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbloqt> [in Russian].

16. Morozova O. S. *Optimizatsiya sostava i protsessual'nogo polozheniya uchastnikov ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk (5.1.4. Ugolovno-pravovye nauki)* [Optimization of the composition and procedural status of participants in criminal pre-trial proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis (5.1.4. Criminal Law Sciences)]. Omsk, 2024, 255 p. [in Russian].
17. Petrukhin I. L. *Sud i organy rassledovaniya* [Court and investigative bodies]. In: *Konstitutsionnye osnovy pravosudiya v SSSR. Pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V. M. Savitskogo* [Savitsky V. M. (ed.) Constitutional foundations of justice in the USSR]. Moscow: Nauka, 1981, 360 p. [in Russian].
18. Petrukhin I. L. *Chelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu)* [Man and power (in the field of combating crime)]. Moscow: Yurist", 1999, 392 p. [in Russian].
19. Gizatullin I. A. *Otkaz gosudarstvennogo obvinatelya ot obvineniya v kontekste obespecheniya protsessual'noi svobody sud'i* [Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context of ensuring procedural freedom of the judge]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2022, no. 1, pp. 42–59. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.3> [in Russian].
20. Sharipova A. R. *Kontseptual'nye osnovy mezhotraslevoi konvergentsii v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: monografiya* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in criminal court proceedings: monograph]. Moscow: Prospekt, 2023, 320 p. [in Russian].
21. Golovko L. V. *Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo: monografiya* [State and its criminal proceedings: monograph]. Moscow: Gorodets, 2022, 458 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/3133> [in Russian].
22. Lazareva V. A. *Reformiruemoe predvaritel'noe rassledovanie* [Reformed preliminary investigation]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii: mezhvuz. sb. nauch. st. Pod red. prof. V.A. Lazarevoi; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu* [Lazareva V. A. (ed.) Current issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific articles]. Samara: Samarskii universitet, 2009, issue 4, pp. 4–18. Available at: https://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-processa/Reformiruemoe-predvaritelnoe-rassledovanie-64841/1/up2009_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30614572>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztykhj> [in Russian].